

Чжан Хэлинь помнил, что уходил Пэй Чжао в полном одиночестве, а вернулся уже с попутчиком. Две фигуры — одна строгая и темная, вторая яркая и светлая — неспешно шли бок о бок. Спутник Владыки, юный господин в пламенеющих багряных одеждах, источавших праздничное великолепие, был не кем иным, как вчерашним гостем из семьи Нин.

Управляющий смутно догадывался, кем мог быть этот юноша, а потому не смел проявлять непочтительность. Он поспешил навстречу и с улыбкой поклонился:

— Владыка, молодой господин Нин тоже пожаловал?

Пэй Чжао кивнул, а затем, повернувшись к Нин Ли, мягко произнес:

— Это управляющий моего поместья. Если захочешь посмотреть на красную сливу, просто пришли кого-нибудь предупредить его.

Нин Ли с улыбкой кивнул.

Юноша был поразительно красив. Накануне, во время поспешного ночного визита, он показался управляющему просто миловидным, но сегодня, в чистом свете холодного зимнего дня, идя рядом с Пэй Чжао, он ослеплял своей красотой настолько, что на него трудно было смотреть без трепета.

— Ниннин, — тихо позвал Пэй Чжао.

Нин Ли откликнулся, и они вместе вошли в дом.

В покоях витал тот же аромат сливы — тонкий, прохладный и едва уловимый. Вчера, увлеченный малым соколом, Нин Ли не успел ничего рассмотреть, но теперь заметил, насколько изящно и со вкусом убрана комната. Каждая вещь здесь дышала благородной простотой.

Заметив, куда устремлен его взгляд, Пэй Чжао невольно улыбнулся:

— Тебе нравятся цветы сливы?

"Ну... в каком-то смысле", — подумал Нин Ли и кивнул.

— Слива — символ уединения и душевной чистоты, — раздался тихий голос Пэй Чжао. — Неудивительно, что она тебе по душе.

От столь возвышенной похвалы Нин Ли смутился:

— Да я просто подумал, что они очень приятно пахнут, вот и захотел сорвать веточку для отца.

Пэй Чжао не ожидал подобной простоты, а еще меньше — такой обезоруживающей искренности. Он на мгновение опешил, но, встретившись с чистым, ясным взглядом юноши, понял: от него иного ждать и не следовало.

Слегка улыбнувшись, он мягко промолвил:

— Поступать по велению сердца, сохраняя искренность чувств, — это тоже прекрасное качество.

Столь витиеватых речей Нин Ли не понимал, но уловил теплоту в глазах собеседника. Его глаза радостно заблестели:

— Ты ведь хвалишь меня, верно, Синчжи?

Пэй Чжао тихо рассмеялся и кивнул:

— Да, хвалю.

Вскоре подошло время обеда. Пэй Чжао отправил слугу в соседнюю усадьбу, чтобы предупредить тамошних, а самого Нин Ли оставил у себя.

Нин Ли ел без лишней церемонности, зато с таким аппетитом и удовольствием, что любой, кто посмотрел бы на него, непременно счел бы поданные блюда величайшими деликатесами.

— Ну как, пришлось по вкусу? — с улыбкой поинтересовался Пэй Чжао.

Нин Ли усердно закивал:

— И еще как! Безумно вкусно!

Его бурный восторг не оставлял сомнений в том, что угощение ему действительно понравилось.

Самому Пэй Чжао еда казалась самой обычной. Обычно он ел мало и без особого удовольствия, но сегодня, увлеченный чужим аппетитом, незаметно для себя съел гораздо больше обычного.

Нин Ли подпер щеку рукой:

— Знаешь, наш повар, мастер Линь, тоже великий умелец. Вот только он вечно готовит какие-то немыслимые, тяжелые праздничные блюда. Сил уже никаких нет с ними справляться.

Пэй Чжао поинтересовался, в чем дело, и Нин Ли во всех красках расписал ему свои страдания, в конце со вздохом добавив:

— Говорят, он когда-то служил императорским поваром в самом дворце. Наверное, привык там готовить лишь несколько изысканных блюд, вот ничего другого теперь и не признает.

Пэй Чжао согласился, что такое вполне вероятно.

Они поболтали еще немного, а потом Пэй Чжао спросил:

— Ниннин, ты ведь приехал из Шачжоу?

— Угу, оттуда, — кивнул Нин Ли.

— И каков он, этот Шачжоу?

Стоило заговорить о родине, как Нин Ли оживился — у него нашлось бесчисленное множество историй. Он увлеченно рассказывал про суровые пограничные заставы, бушующие песчаные бури, караваны верблюдов с их мерным перезвоном колокольчиков, бесконечные караваны с шелком, про заунывные напевы бамбуковых флейт, пыльные придорожные ивы, холодный пустынный месяц и бесконечный поток торговцев. Но к концу его голос постепенно затих, зазвучав грустно.

Пэй Чжао внимательно посмотрел на него:

— Ты очень скучаешь по дому?

Нин Ли уныло кивнул, чувствуя, как грудь сдавила внезапная тоска. Он уехал совсем недавно, но уже успел безумно заскучать по родным краям.

Опечаленный нахлынувшими воспоминаниями, он даже уходил с легкой грустью в шагах.

Чжан Хэлинь лично проводил гостя до ворот, а вернувшись, осторожно спросил:

— Владыка... этот молодой господин Нин действительно тот самый наследный принц из поместья князя Нина в Шачжоу?

— Неужели ты до сих пор не понял? — равнодушно отозвался Пэй Чжао.

— Ваш старый слуга догадывался, просто... — Чжан Хэлинь угодливо улынулся. — Просто он совсем не похож на то, что о нем воображали, вот я и не смел утверждать наверняка. — Управляющий тихо вздохнул, качая головой. — Кто бы мог подумать, что он поселится по соседству с нами.

О том, что Наследный принц Нин прибыл в столицу, знали все. По давней традиции Великой Юн, великие кланы девяти областей и удельные князья обязаны были отправлять одного из своих прямых наследников в Цзянь для службы при дворе. Чжан Хэлинь много лет провел во дворце и повидал немало заложников из знатных семей, но никто из них не был похож на Нин Ли.

Тот был чист, словно только что изготовленная снежно-бамбуковая бумага — заглянув в его душу, можно было сразу увидеть дно, не омраченное ни единой пылинкой или грязным помыслом.

Пэй Чжао на мгновение умолк.

"А разве я... не такой же?" — пронеслось в его голове.

На следующий день Нин Ли проснулся поздно. Едва он поднялся с постели, как ему доложили, что соседские повозки уехали, а сам хозяин покинул усадьбу.

Слуга передал ему послание от Пэй Чжао. Оказалось, тот лишь временно отдыхал в этом уединении, а теперь, с приближением Нового года, домашние дела потребовали его присутствия в городе. Напоследок Пэй Чжао просил передать, что если Нин Ли захочет полюбоваться сливой, ему больше не нужно перелезать через стену — вчера слуги расчистили старую потайную калитку, так что он может просто проходить через нее.

Господин Яо, услышав это, ошеломленно застыл:

— Наследный принц... перелезал через стену?

Нин Ли:

—...

Ему и в голову не приходило, что его ночные вылазки раскроются. Мгновенно почувствовав себя виноватым, он принялся озираться по сторонам, отчаянно пытаясь перевести разговор на

другую тему.

Яо Гуанье покачал головой с явным неодобрением. Однако, видя, как смутился юноша, он не стал усердствовать с нотациями и лишь мягко пожурил его:

— Молодой князь, впредь не делайте подобного. Если кто-то увидит, как вы карабкаетесь по заборам, вас сочтут невежественным и не знающим приличий.

Нин Ли поспешно закивал, соглашаясь со всем подряд, лишь бы поскорее замять неловкость. И тут ему в голову пришла спасительная мысль:

— О, кстати, господин Яо... неужели запрет на въезд в Цзянье уже сняли?

— Сняли, — подтвердил Яо Гуанье. — Досмотр на воротах все еще строже обычного, но въезжать и выезжать уже дозволено. Желаете отправиться в город?

Прибыв на чужбину, Нин Ли до сих пор не видел столицы. Все это время он безвылазно сидел в загородной усадьбе на горе, словно отрезанный от остального мира.

— Разумеется! Едем немедленно!

С тех пор Нин Ли целыми днями пропадал в городе, а к вечеру возвращался в усадьбу. Он гулял по улицам, любовался видами и предавался веселью. Цзянье, истинная имперская столица, поражал своим великолепием и величием. Это было совершенно не похоже на суровый Шачжоу, и юноша с восторгом открывал для себя новый мир.

Однажды, устроившись в чайном домике, он слушал выступление сказителя, который вещал о делах, столь милых сердцу простого люда.

Поначалу Нин Ли слушал краем уха, но вдруг до его слуха донеслись знакомые слова. Заинтересовавшись, он подозвал слугу:

— О каком герое сейчас идет речь?

Чайный зазывала, очарованный благородным обликом гостя, с готовностью пояснил:

— Это история о великой битве при Дафэйчуани, в которой участвовал сам Владыка Востока.

— Владыка Востока? Дунцзюнь? — удивился Нин Ли.

— Ну конечно! — зазывала так и засыпал его подробностями, словно горохом из мешка. — Неужели вы не слышали? Это одно из самых известных сказаний в наших краях! О том, как Владыка Востока из города Байди на берегах Дафэйчуани заставил отступить Государственного наставника Западного Фаня.

— Вот как... — пробормотал Нин Ли. — Не думал, что из этого сделали целое представление.

Тот горделиво улыбнулся:

— Еще бы! О таких великих деяниях поют везде, где только есть колодцы с водой!

Эта легенда повествовала о давней вражде двух великих мастеров, достигших ступени Отсутствия Заблуждений. А поскольку в дело были замешаны Великая Юн и Западный Фань, история вызывала у всех живейший интерес.

В молодости Государственный наставник Западного Фаня, Поло Цзюэхуэй, проделал долгий путь в Лоян для изучения буддийских сутр. Позже он прибыл в Цзянье, чтобы поучаствовать в философских диспутах. Находясь в шаге от ступени Отсутствия Заблуждений, он потерпел сокрушительное поражение от Владыки города Байди, Ли Гуаньланя, что заронило в его душу семена глубокой ненависти.

Прошло больше двадцати лет. Поло Цзюэхуэй наконец преодолел ступень Проникновения в Мелочи и возвысился до Отсутствия Заблуждений, став великим мастером. Возгордившись, он решил вернуть былую славу и вызвал Ли Гуаньланя на поединок среди заснеженных равнин.

В то время на берегах Дафэйчуани стояли друг против друга армии Великой Юн и Западного Фаня. Снабжение юньского войска было отрезано, ситуация складывалась критическая.

Однако в назначенный день на поле боя явился вовсе не Ли Гуаньлань.

Среди бескрайних снегов возник силуэт, и никто не мог понять, откуда он взялся.

Появившийся словно из ниоткуда мечник поверг Поло Цзюэхуэя. Воины Западного Фаня в ужасе взирали на то, как их великий наставник, харкая кровью, валится на землю. Боевой дух врага мгновенно рухнул, войско охватила паника. Вражеская армия оставила три города подряд и бежала на тысячи ли, не в силах сдержать натиск.

Так войска Великой Юн одержали сокрушительную победу.

Говорили, что сам Ли Гуаньлань в тот момент преспокойно удил рыбу в Северном море. Когда

его спросили о случившемся, он лишь бесстрастно обронил: «Имя мечу — Чжумин, имя мечнику — Владыка Востока».

Поднебесная содрогнулась. С тех пор слава о двух великих мастерах ступени Отсутствия Заблуждений из города Байди прогремела по всем девяти областям.

Выслушав зазывалу, Нин Ли опустил голову, погружившись в глубокие раздумья. Лишь спустя время он опомнился и небрежно бросил слуге мелкое серебро весом в один лян.

В этот момент сказитель как раз перешел к описанию противостояния армий Великой Юн и Западного Фаня. Нин Ли сделалось не по себе, и он порывался уйти. Однако Сяо Цзи заупрямился:

— Молодой господин, неужели вам не интересно?

— Да тут половина — чистой воды выдумки, — проворчал Нин Ли. — Чего тут слушать?

— Так на то оно и представление! — взмолился Сяо Цзи. — Ну пожалуйста, я очень хочу дослушать!

Делать было нечего. Нин Ли вздохнул и остался сидеть, хотя лавка под ним словно раскалилась докрасна.

Вдруг из-за соседнего столика донесся тихий смешок:

— Пусть некоторые детали и приукрашены, но победа Владыки Востока над Государственным наставником Западного Фаня — чистейшая правда. К тому же сейчас, когда чужеземцы из Западного Фаня прибыли в столицу, эта история звучит особенно злободневно.

Повернувшись на голос, Нин Ли увидел соседа — молодого господина в ярко-синих одеждах, украшенных изысканным серебром, которое сразу приковывало к нему взгляд.

Незнакомец оказался его ровесником, с весьма миловидным лицом. Стоило Нин Ли обернуться, как синекафтанник опешил и невольно выпалил:

— Наследный принц Нин!

Нин Ли тоже растерялся:

— Ты меня знаешь?

Тот смутился и неловко потер нос:

— По пути в столицу я проезжал мимо реки Чушуй и как раз на почтовой станции застал тебя во всем твоём... великолепии.

Нин Ли:

—...

Ему вдруг стало ужасно неловко.

— Наследный принц Нин, о твоих подвигах сейчас гудит весь Цзянье.

— Да неужели? — удивился Нин Ли. Что же такого он успел натворить, раз о нём судачит весь город?

Собеседник со вздохом покачал головой:

— Срочная почта «Шестьсот ли» и целый ларец золотого жемчуга ради одного лишь домашнего письма! Вот уж воистину, теперь вся столица узнала, каково оно — баснословное богатство клана Нин из Шачжоу.

Нин Ли захлопал глазами, искренне не понимая:

— Но ведь почтмейстер сам попросил одну шкатулку?

Юноша в синем пристально наблюдал за ним, гадая, как именно тот станет оправдываться, но от такого ответа не выдержал и покатился со смеху. Он кивал, утирая выступившие слезы:

— Верно, верно! Он ведь сам попросил всего одну!

Про себя же он подумал: "А этот наследный принц Нин — на редкость забавный малый".

Увидев на почтовой станции, как дерзко держится Нин Ли, он счел его вздорным и заносчивым барчуком. Но теперь, столкнувшись с ним лицом к лицу, понял, насколько ошибался. Все его предвзятые суждения рассыпались в прах.

Про отпрысков клана Ши он тоже был наслышан: Ши Яньму, прикрываясь влиянием семьи,

творил все, что вздумается. Было бы удивительно, если бы он не ввязался в неприятности. Скорее всего, этот наглец сам первый полез на рожон.

— Наследный принц Нин, меня зовут Ян Цинли, — улыбнулся синекафтанник.

Заметив, что Нин Ли все еще смотрит на него в замешательстве, не понимая, о ком речь, Ян Цинли ничуть не обиделся и мягко добавил:

— Я такой же, как ты. Тоже приехал в столицу по указу.

Ян Цинли казалось, что он выразился предельно ясно, однако Наследный принц Нин продолжал хмуриться, явно силясь сообразить, кто перед ним. Это немало удивило юношу. Обладая открытым и дружелюбным нравом, он не стал придавать этому значения и пояснил:

— Я прибыл несколько дней назад из Сюйчжоу.

«Сюйчжоу...»

Если до этого Нин Ли еще сомневался, то при упоминании этих мест все мгновенно встало на свои места:

— Так ты — молодой вождь пещеры!

Ян Цинли замахал руками:

— Ну что ты, вовсе нет, мне до этого далеко.

Клан Ян из Сюйчжоу был великой и грозной силой, а их нынешний вождь, Ян Цинси, в совершенстве владел искусством колдовства и достиг пика ступени Проникновения в Мелочи, уступая лишь пяти великим мастерам Поднебесной. Об этом громком имени Нин Ли, разумеется, был наслышан.

Выходит, этот юноша оказался в точно таком же положении, что и он сам?

— Значит, тебе тоже придется провести здесь три года? — осторожно спросил Нин Ли.

Ян Цинли уныло кивнул:

— Прощение уже подано, теперь жду, когда Его Величество соизволит призвать меня на аудиенцию... А ты, наследный принц?

— Еще нет...

Какое там прощение! Нин Ли всей душой надеялся, что император и вовсе позабудет о его существовании.

Заметив, что Ян Цинли собирается продолжить, Нин Ли торопливо перебил его:

— Называй меня просто по имени. Все эти «наследный принц» да «наследный принц» только слух режут.

Ян Цинли широко улыбнулся:

— Что ж, тогда не смею церемониться.

Он и без того испытывал к Нин Ли симпатию, а раз уж они сошлись характерами, то без лишних уговоров пересел за его столик.

Подбежавший слуга подал чайник отменного чая «Дождевые цветы Цзянь». Листья, напоминавшие тонкие сосновые иглы, медленно поднимались и опускались в чаше, окрашивая белый фарфор в нежный цвет молодой зелени.

Аромат у напитка был густым и насыщенным, но на вкус Нин Ли... чай оказался невыносимо горьким.

Заметив, как скривился его новый знакомый, Ян Цинли тут же велел заменить напиток на настой из цветков белой магнолии.

Нин Ли смутился:

— Прости, для меня этот чай слишком уж вяжущий.

Ян Цинли со вздохом замахал рукой:

— Да я и сам терпеть не могу эту горечь!

— А? — Нин Ли удивленно округлил глаза. — Зачем же тогда заказывал?

Тот тоже скорчил кислую мину:

— Слышал, что это их гордость, вот и решил отведать, раз уж зашел. Откуда мне было знать, что гадость такая? Эх, сейчас бы пиалу доброго кислого отвара!

Они переглянулись, чувствуя, как между ними мгновенно зарождается крепкая дружба.

Слуга унес чашки и вскоре вернулся. И изысканные «Дождевые цветы», и магнолиевый настой были безжалостно забыты — их место занял простой кувшин со сладковато-кислым чаем из дикого боярышника и семян кассии. Вот теперь беседа потекла по-настоящему непринужденно.

На сцене сказитель продолжал вещать, брызжа слюной от усердия, а за столиком новоиспеченные друзья увлеченно шептались.

— Нин Ли, ты ведь перешел дорогу Ши Яньму, — вполголоса заговорил Ян Цинли. — Боюсь, теперь тебе не дадут покоя.

Нин Ли недоуменно моргнул:

— А кто это вообще такой?

Ян Цинли лишился дара речи:

—...

Он ошарашенно уставился на собеседника, не зная, смеяться или плакать, и наконец выдавил:

— Ну тот наглый юнец, с которым ты повздорил на почтовой станции!

— И что, он правда может мне как-то навредить? — удивился Нин Ли.

Ян Цинли окончательно растерялся, гадая, притворяется ли его новый друг или действительно настолько простодушен.

Не дожидаясь ответа, Нин Ли с любопытством уточнил:

— И как именно он собирается портить мне жизнь? Придет драться?

Ян Цинли покачал головой:

— Сам он кишка тонка, а вот его родня — очень даже может.

— Сам Ши Яньму — пустое место, но вот его старший брат невероятно силен. Два года назад наследник восточного клана Ши, Ши Яньчао, прибыл в Цзянье и почти сразу поступил на службу в Стражу Прислуживания Небесам. Ему еще нет и двадцати, а он уже постиг высшую ступень Постижения Сокровенного. В столице его по праву считают сильнейшим среди молодого поколения.

Ши Яньму не стоил и выеденного яйца, но его старший брат Ши Яньчао представлял серьезную угрозу.

— Постижение Сокровенного... — протянул Нин Ли.

Ян Цинли кивнул и принялся объяснять дальше:

— По обычаю, прибывшие в столицу отпрыски великих кланов должны нести службу при государе. Те же, кто идет по пути боевых искусств, обычно вступают в Стражу Прислуживания Небесам. Там полно одаренных юношей и признанных мастеров. И раз уж старший сын клана Ши сумел затмить их всех, можешь представить, насколько он опасен.

Нин Ли посмотрел на него и забавно хлопнул ресницами:

— Неужели ты правда считаешь его таким уж сильным?

Ян Цинли:

—...

От этого невинного вопроса его вдруг прошиб холодный пот. Чтобы скрыть замешательство, он поспешно схватил фарфоровую чашку и сделал глубокий глоток.

Глядя на то, как беспечен Нин Ли, Ян Цинли невольно перевел взгляд на его телохранителя. В прошлый раз на почтовой станции он не успел его рассмотреть, но сегодня разглядел во всех подробностях: вьющиеся волосы, резкие, непривычные для здешних мест черты лица... Охранявший юношу воин явно принадлежал к племенам хусцев.

И тут его осенило. Раз обычный сопровождающий Нин Ли уже достиг высшей ступени

Постижения Сокровенного, неудивительно, что тогда у реки Чушуй люди клана Ши даже пикнуть не успели. И это ведь только один явный страж! Кто знает, сколько еще куда более могущественных мастеров тайно оберегают его из тени?

Наследник могущественного клана Нин из Шачжоу, единственный сын, которого отец берег пуще зеницы ока — неужели грозный князь Нин действительно отпустил бы его в логово врагов без надежной защиты?

Ян Цинли хлопнул себя по лбу и весело рассмеялся:

— Да уж, глупый я человек! Зря только панику наводил.

Нин Ли:

—...

Что за странные выводы сделал этот парень, он так и не понял.

— Пусть ты и не боишься их, — продолжил Ян Цинли, — но те слухи, что сейчас ходят по городу... Если люди поверят им, тебе будет несладко.

— Какие еще слухи? — поинтересовался Нин Ли.

— Ну как же: «сумасбродный князек из пустыни», рассылающий домашние письма срочной почтой за ларец золотого жемчуга.

— А, это... — Нин Ли беззаботно махнул рукой. — Пустяки. Сам натворил, сам и отвечу.

Ян Цинли онемел от изумления:

— Тебе что, совсем наплевать на свое честное имя?

Не столкнусь он с ним тогда на станции и не познакомься лично сегодня, по одним лишь городским сплетням он и сам бы счел Нин Ли невыносимым, заносчивым самодуром!

— Так нельзя, — принялся убеждать его Ян Цинли. — Наше положение в столице и без того шаткое. Нам положено вести себя тише воды, ниже травы, чтобы не давать двору лишних зацепок. А ты только ступил на землю Цзянье — и мало того, что прослыл безумным расточителем, так еще и заработал славу жестокого драчуна! Сейчас на каждом углу

шепчутся, будто Наследный принц Нин избил бедного младшего господина Ши так, что тот до сих пор с постели подняться не может.

— Весь Цзянь об этом гудит! И звучит это, согласись, прескверно.

Однако Нин Ли озадачило совсем другое:

— Неужели я действительно так сильно его приложил, что он теперь встать не может?

Ян Цинли едва не поперхнулся чаем.

Да разве в этом сейчас дело?!

— Да ладно тебе, — улыбнулся Нин Ли. — По-моему, отличная слава.

Ян Цинли укоризненно покачал головой:

— Не нужно так легкомысленно махать на себя рукой.

— Да я серьезно говорю, — мягко возразил Нин Ли. — Поверь мне, Цинли, эта репутация мне только на руку. Я даже благодарен этому Ши Яньму за то, что он раструбил о нашей стычке на всю округу.

Ян Цинли окончательно запутался. Сколько бы он ни размышлял, он никак не мог взять в толк, зачем добровольно позволять смешивать свое имя с грязью. Честное имя — бесценный дар, как можно позволять клеймить себя безумцем и тираном?

Он всматривался в лицо собеседника, но Нин Ли оставался абсолютно спокоен. Юноша неторопливо потягивал кисло-сладкий чай, который пришелся ему очень по вкусу, и лениво отправлял в рот засахаренные бобы. Вдруг глаза Ян Цинли хитро блеснули, и он заговорщически придвинулся ближе.

Нин Ли, заразившись его таинственностью, тоже подался вперед и зашептал:

— Цинли, ты хочешь поведать мне какой-то секрет?

— Скажи... — приглушив голос до едва различимого шепота, спросил Ян Цинли, — ты ведь специально чернишь свое имя перед двором? Решил прикинуться вздорным глупцом?

Нин Ли довольно заулыбался и поднял большой палец:

— О, ты зришь в самую суть, Цинли! Мы понимаем друг друга без слов!

Ян Цинли восхищенно покачал головой:

— Мудро! Истинно мудро!

— Ну что ты, сущие пустяки, — скромно отмахнулся Нин Ли.

Они продолжили оживленно беседовать, чокаясь чашками со сладким чаем, а стоявший неподалеку Сяо Цзи лишь растерянно хлопал глазами.

О чем они шепчутся? Почему он опять ничего не понимает?

<http://bllate.org/book/20087/2001849>